

Виталий НОСКОВ

ПАСХА
ПОД
ГУДЕРМЕСОМ

БОЕВЫЕ
ДЕЙСТВИЯ
В ЧЕЧНЕ
И ДАГЕСТАНЕ

Чеченский излом (Вече)

Виталий Носков

**Пасха под Гудермесом. Боевые
действия в Чечне и Дагестане**

«ВЕЧЕ»

2021

Носков В. Н.

Пасха под Гудермесом. Боевые действия в Чечне и Дагестане /
В. Н. Носков — «ВЕЧЕ», 2021 — (Чеченский излом (Вече))

ISBN 978-5-4484-8687-6

Книга «Пасха под Гудермесом» – рассказы и очерки военного корреспондента, участника боевых действий в Чечне и Дагестане с 1995 по 2000 год. Это документальные свидетельства писателя, который все командировки провел в боевых порядках соборцев. Сегодня, когда в Сирии идет полномасштабная война с международным терроризмом, автор напоминает, что идейное содержание ИГИЛ (запрещенная в РФ организация) формировалось в мятежной Чечне. В ходе боев, спасая Россию от сепаратистского раздела, погибли тысячи российских воинов, мирных жителей и чеченских боевиков. Писатель Виталий Носков правдиво и ярко раскрывает как ход боевых действий, так и внутренний мир своих героев.

ISBN 978-5-4484-8687-6

© Носков В. Н., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Снег на броне	7
«Это звезды или волчьи глаза?..»	19
...Жизнь начинается ночью	23
Пасха под Гудермесом	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виталий Николаевич Носков

Пасха под Гудермесом. Боевые действия в Чечне и Дагестане

© Носков В.Н., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Когда мне было семь лет, на моих глазах пацаны постарше вешали на проволоке собаку Альму. На эту компанию я набрел случайно и замер в толпе. Альма, с которой переиграли в войну десятки живших возле вокзала мальчишек, весело оглядывалась, думая, что игра продолжается. Но ее вздернули и гадко кинулись врассыпную. Я же мгновенно поднял на руках провисшее, безумно тяжелое тело Альмы и – о, чудо! – петля из крупной проволоки раскрылась, освободив голову собаки, и та бросилась за своими мучителями, радостно взлаивая, что снова увидит их.

С тех пор, мягко говоря, я не люблю, когда издеваются над слабыми, беззащитными, доверчивыми, продолжающими верить в доброту, справедливость.

Боевые действия в Чечне открыли мне многие тайны российской жизни. Я – не романтик. Удостоверение обозревателя Центральной милицейской газеты позволило мне находиться в эпицентре кровавых событий. Я – писатель, не журналист: поэтому в критических ситуациях брал в руки оружие раненых воинов... Мне не по душе современный кодекс журналистской этики – находиться над схваткой, соблюдать нейтралитет. Плевал я на этот нейтралитет! В конце марта 1996 года я летел «Черным тюльпаном» в Ростов-на-Дону, сопровождая в «Центр погибших» останки героев своих очерков – офицеров спецназа.

В 1943 году одному писателю, фронтовому журналисту, развеселый комбат сказал: «Какая у вас одинокая профессия. Мы в батальоне, как один кулак. А вы мотаетесь по фронтам, живете нашей жизнью, рискуете и все один. Какая одинокая, грустная должность – писатель».

Комбат был прав и не прав! В октябре 1996 года в Центральном госпитале МВД я умирал в одиночестве, а в лихорадочных снах разговаривал с убитыми на чеченской войне, и один солдат сказал: «Мы тебя знаем. Ты к Димке Евдокимову в гости приезжал». Это была правда. Боец «Витязя» Дмитрий Евдокимов, мой земляк, погиб при штурме села Первомайское, и когда я приехал к его родным, напротив деревенского дома, в леске лежал собранный им перед армией металлолом, чтобы на вырученные деньги купить младшему брату и сестрам подарки. Не успел. Пал смертью храбрых!

Россия часто воюет, потому что после каждой новой войны власть имущие стремятся быстро забыть ее. Утюжат память о ней, словно танковыми гусеницами. Задача литературы – не забывать, напоминать, что главное в нашей жизни – любовь. Пройдя через войну, это особенно знаешь.

Виталий Носков

Часть первая

Снег на броне

В рассказе моего друга, офицера-десантника, прошедшего через ад новогоднего, с 1994 на 1995 год, штурма Грозного, нет воспоминаний о падающем снеге, декабрьском и январском холоде. «Почему?» – думал я. Зима в Чечне – испытание снегом, дождем, каленым ветром. И понял, что для офицера-разведчика, интеллектуала, самым мучительным истязанием в те дни была не зима, а то, о чем он поведает сам...

I

Мы служили. Служили, как могли: честно, с десантным фанатизмом, преданностью голубому берету и Родине. С начала девяностых годов участвовали практически во всех разгоревшихся в России межнациональных конфликтах (Приднестровье, Северная и Южная Осетия, Ингушетия). Получали ордена и медали, внеочередные звания, росли по служебной лестнице. Костями ложились, если кого-то не брали на очередное боевое задание. Потерь практически не было.

Мы не знали, что нас ждет Чечня. Хотя в душе у меня росло беспокойство... В конце 1992 года, участвуя в Осетино-Ингушском конфликте, после «триумфального» наступления на территорию Чечено-Ингушетии, я стоял на аэродроме: то ли в Моздоке, то ли в Беслане – и рассматривал подбитую БМД-2 десантного батальона (наших соседей), точнее, что от нее осталось: груды железа, пропитанную кровью и раздробленными костями двух членов экипажа. Я начинал понимать, что все еще впереди...

В 1993 году один из офицеров спросил меня: «Почему у тебя личный состав на занятиях выполняет упражнения по перебежкам, переползанию и изготовке к бою на асфальте? Это же ужасно больно! Солдаты тебя возненавидят». Я ничего не ответил. Я предчувствовал Чечню...

О штурме Грозного в новогоднюю ночь с 1994 на 1995 год написано много. Но недавно в одной книге о той бойне я прочитал: «Восточная группировка, не выполнившая поставленную задачу, была выведена из Грозного». Стало обидно и горько за погибших в те дни.

«Как поступить?» – размышлял я. Да, правда часто испепеляет, может унижить, лишит иллюзий. Но она, правда, единственное, что осталось в моей памяти о днях и ночах Восточной войсковой группировки, оболганной в книге, название которой – и это справедливо – не сохранилось в сознании.

Наше десантное подразделение прилетело в Моздок в начале декабря 1994 года. Расквартировались на аэродроме – в отдаленной его части и, обеспечив охрану территории, стали готовиться к выполнению специальных задач. Проводились плановые занятия, шла подготовка к ведению боевых действий.

Первую свою задачу мы получили в 20-х числах декабря. Нас разбили на так называемые сводные группы, вошедшие в состав войсковых группировок, идущих на Грозный. В нашей сводной группе, нацеленной на восточное направление, было 25 разведчиков: офицеров и солдат. Я командовал группой солдат.

У групп, подобной нашей, задачи на бумаге были разведывательные, диверсионные. На самом деле нам «нарезали» прикрытия особых участков, обеспечение безопасности командования и выполнение специальных задач.

25 декабря 1994 года мы в составе колонны начали выдвижение по маршруту Моздок – Толстой-Юрт – Аргун. Заночевали в Толстом-Юрте. Здесь стояло порядка двадцати «Градов» и «Ураганов». Я до сих пор помню глаза одного из моих солдат, который радовался залпу мощных реактивных установок: «Командир! Вот это салют!» – «Это не салют, Андрей, – сказал я. – А первая в твоей жизни война. Настоящая». Я тогда не знал, что для Андрея эта война будет и последней в его жизни, которая оборвалась через несколько дней на чеченско-русской мятежной земле.

Получив задачу, мы 26 декабря вышли в район сосредоточения Восточной группировки под Аргун. Эта огромная махина из людей и техники представляла собой неорганизованную, голодную массу. Новые бэтэры, артиллерийские орудия соседствовали с покореженной и разорванной техникой. Солдаты, замученные, изможденные, хаотично передвигались по «чистому» полю среди сборища ратной техники, ощетилившейся стволами в разные стороны. Это был рой людей, измазанных в грязи. Они давно здесь стояли: немые и не евшие по многу суток. Периодически сюда прилетали вертолеты: забирали убитых и раненых. И улетали. Самое страшное наступало ночью. Ни у одного из подразделений не было места, где бы личный состав отдыхал: никаких укреплений, блиндажей и землянок. Только окопы, свежерытые ямы и воронки от разорвавшихся чеченских мин и снарядов. Солдат не был защищен и прятался либо в боевой машине, либо сидел в окопе, а война – не только стрельба из автоматического оружия. Поэтому я заставил свою группу зарыться в землю. Весь день и вечер мои солдаты сооружали блиндаж на случай минометных обстрелов. Люди устали, чертыхались, плевались, проклинали меня, но истово копали землю. Сделали перекрытие, достали печку-буржуйку... К ночи блиндаж и окопы были готовы.

За весь день – редкие выстрелы да рев техники. Ночью все преобразилось. От начавшейся канонады и автоматно-пулеметных очередей стало светло, как днем. Вся группировка стреляла... Куда? Неизвестно.

Моя группа, заняв позиции, включилась в общий механизм «пальбы». К полуночи, израсходовав немало боеприпасов, мы поняли, что огонь по нашей группировке чеченцы ведут со всех сторон и не только из стрелкового оружия. По нам работала чеченская артиллерия, а с востока от Аргуна – сначала было удивительно, странно – даже «Град».

Про взаимодействие, какое-либо руководство нашей Восточной группировкой лучше не вспоминать... Его не было вообще.

Я дал команду своей группе из двенадцати солдат прекратить беспорядочный огонь и работать по обнаружению огневых точек противника – благо приборы ночного видения у нас имелись.

К утру все стихло. Прилетели вертолеты. Группировка снова грузила раненых и убитых. Артиллеристы за ночь расходовали немыслимое количество боеприпасов. Стреляли и стреляли в места вероятного нахождения противника, а снарядные ящики у них забирала пехота, потом и мы, чтобы согреться у замаскированных костерков.

Вечером 27 декабря моей группе была поставлена задача выдвинуться на окраины Аргуна, чтобы выявить огневые точки и реальные силы противника. Уяснив задачу, боевые порядки подразделений нашей группировки, которые стояли напротив Аргуна, я, разделив группу на две части, начал движение. При звуках канонады, медленно и осторожно передвигаясь, мы вышли, словно из огненного мешка, и сразу попали в окопы парашютно-десантной роты, которая прикрывала группировку со стороны Аргуна. Иду по окопу, иду и упираюсь в труп десантника, лежащего на бруствере, рядом валяется автомат. Стягиваю тело вниз – зашевелился «труп». Хотя на живого человека солдат не был похож. Из его несвязного бормотания стало ясно, что в этой траншее он находится около четырех суток и ни разу не ел, где командир – не знает, какая у них задача – не помнит. Иду по окопам. Под обстрелом. Где-то лежит труп. Только что погиб. Снова идешь – спит человек. Начинаешь тормошить – он не в состоянии

ничего сообщать. В вырытой землянке мы нашли командира – молодого, заросшего щетиной лейтенанта. «Как дела?» – спросил я у него. «Никак, стреляем», – отвечает. Я прошу: «Дальше как пройти? Как мне выйти к Аргуну?» – «Никак, – говорит. – Мы мины вокруг себя разбросали». Спрашиваю: «А схемы минных полей есть?» – и понял, что спросил зря. Не было их. Из рассказа лейтенанта следовало, что в первый же день они расставили все мины и растяжки, какие имелись, между своими позициями и Аргуном. «А у духов есть мины?» – «Есть. Они тоже набросали».

Территория между нашей Восточной группировкой и занятым боевиками Аргуном была непроходима ни в коем случае. В ее пределах невозможно было вести разведку, делать засады. Люди просто отвечали на огонь, сами наносили огневое поражение.

Возвратиться моей группе назад – означало невыполнение задачи. И я отдал приказ на обстрел указанных лейтенантом вероятных позиций чеченцев. Через пару минут Аргун, как дракон, выдохнул в нас залпами из чеченских артиллерийских орудий, танков и стрелкового оружия. Сидя в окопе, нам было жутковато от количества разрывов, фонтанчиков от пуль противника.

Три моих наблюдателя, заранее заняв позиции левее от нас, вычислили несколько огневых точек боевиков...

Мы вернулись утром, оставив в окопах парашютно-десантной роты все, что было с собой из еды. Солдат с солдатом всегда поделится, а на войне и подавно. Группировка снова собирала убитых, раненых, разбитые машины. Прилетели тяжелые вертолеты, нанесли огневое поражение. Непонятно куда.

Днем группировка начала выдвигаться в район Ханкалы. Предстояла битва за этот важный для штурма Грозного плацдарм. А в тылу оставался Аргун с вооруженной, около 600 боевиков, бандой с танками и артиллерией. Аргун брать почему-то не стали. Наверху было виднее. А именно аргунские боевики потом, первого января 1995 года, расстреляют первую колонну раненых нашей группировки, выходящей из Грозного. Вся колонна погибнет. Но это будет потом.

А тогда, 28 декабря 1994 года, «марш» на Грозный продолжался, ведомый «великими» военачальниками конца XX века. Военачальниками когда-то могучей страны, победившей во многих войнах с внешними врагами, почему-то напрочь забывшими командный опыт последнего столетия, напитанный кровью наших отцов и дедов. Все, в чем мы на рубеже 1994–1995 годов участвовали, было похоже на плановый, учебный марш с боевой стрельбой. История должна была наказывать нас, и она это сделала.

Оставив Аргун в тылу, мы ушли к Ханкале. Подтянулась остальная часть группировки. Заняли позиции. Была организована круговая оборона. Все шло к постепенному овладению Грозным.

29 декабря 1994 года Восточная группировка представляла собой два кольца обороны и в центре штаб. Подошли танки, другая тяжелая техника, артиллерия. И тут моей группе ставится несвойственная нашему подразделению задача – обозначить ложный, якобы основной удар Восточной группировки на населенный пункт километрах в пятнадцати от Ханкалы – к югу. Приказали получить на группу имеющееся носимое тяжелое вооружение: гранатометы, огнеметы, крупнокалиберные пулеметы, гранаты. Данной группой нанести удар по населенному пункту и держаться сколько сможем. Никаких разведсведений, что там находится, не было. Ставилась одна задача: наносим удар, а когда поймем, что держаться больше возможности нет, израсходовав боезапас, мы должны были уйти на два километра к юго-востоку, где в определенной точке нас должна была забрать разведрота десантников.

Мы прекрасно понимали, что нас ждет. Мне все-таки удалось получить кое-какие данные по этому чеченскому населенному пункту. Там находилось до восьми единиц артиллерии, около четырех танков, неплохая группировка, и я представлял, что бы было. По каким-то

чрезвычайным обстоятельствам разведроту десантников перекинули на другое направление. Поэтому приказ отменили. Нас спасло чудо.

В ночь на 30 декабря нам снова поставили несвойственную задачу – на удержание правого фланга. Моей группе на одном бэтэере придали самоходную зенитную установку и БМД-2 из десантного батальона. Когда руководство ставит задачу, не принято переспрашивать. Получи задачу, а как решить – проблемы твои. Перед штурмом Ханкалы с тремя единицами техники и личным составом я выдвинулся на правый фланг и, как картежник, рокируя зенитную установку, БМД-2 и мой бэтээр, все-таки кое-как выставил их. Еще на ходу я уяснил, что представляет собой зенитная установка: как она стреляет, каков ее радиус. Выбрал ей место. Закопали БМД-2, поставили бэтээр. Правый фланг, как нам с моим заместителем думалось, мы закрыли, обеспечив охраной возможные опасные направления.

Когда мы выставлялись, мимо нас постоянно, как муравьи, ходили солдаты, нося на себе ящики с патронами 5,45 мм. Это было, как потом выяснилось, отделение пехотных связистов. Они заняли позицию в ложбинке где-то в 30 метрах северо-восточнее от нас. Их позиция представляла собой глубокую яму, куда они натащили ящики с патронами.

Окопаться мы, разведчики-десантники, не успели, а лишь перекрыли вероятные подходы противника. Вся местность в этом районе была изрыта арыками, по которым духи подходили к нашим позициям, обстреливали их и беспрепятственно уходили. Достать их было невозможно: у нас ни минометов, ничего в таких случаях результативного... Практически нельзя было сделать засады: ходить по арыкам мы считали смертоубийством. Мы не спали третьи сутки. Употребляли таблетки от сна: такие, скорее всего, были только у нас.

Ближе к полуночи произошло то, о чем мы даже не смели подумать. Те солдаты-связисты, которые на наших глазах перебрались в ложбину, устроили там круговую оборону, позаряжали все боеприпасы и стали вести беспорядочную стрельбу по кругу – во всех направлениях, в том числе и по нам. Велся плотный огонь. Пришлось около часа лежать лицом в грязи, есть ее, нюхать всякое дерьмо. Автоматный огонь с 30 метров в упор... Над тобой все сверкает, летит... Бэтээр где в пробоинах, где в осколках... Стрельба чуть стихла. Я, наконец, разобрался, откуда она ведется. Поставил задачу своему заместителю выдвинуться к связистам и уяснить, в чем там проблема. Он продвинулся только метров на двадцать. Опять стрельба. Снова все залегли. Наш правый фланг был полностью деморализован. Свою задачу мы выполнять не могли. Встать во весь рост и идти к связистам было безумием. Связаться с ними тоже невозможно. Они не работали ни на одной вызываемой частоте.

Ползком с половиной группы мы выдвинулись к ложбине на расстояние броска гранаты. Стали кричать. Никакие окрики, что мы свои, связистов не останавливали. Казалось, у них никогда не кончатся патроны. И только после угрозы забросания гранатами стрельба стихла. Было не до маскировки. Зрелище, при подсветке фонариками, было сюрреалистическим. Люди представляли собой реальное воплощение ужаса. Перекошенные рты. Раскалившиеся стволы автоматов, из которых связисты-мотострелки за это время выпустили не один ящик боеприпасов. Ими командовал сержант. На вопрос: «В чем дело?!» – он отвечал только одно: «Мы боимся! Мы просто боимся! У нас погиб командир, еще один офицер ранен. Я остался один на восемь человек. Мы боимся». – «А вы знали, что мы, десантники, там?» – «Знали. Но мы боимся. Откуда нам знать: вы это или не вы? Ночь!» Хотелось их бить прикладами до утра, но в это время из арыков по нам стали работать духи, и нам, десанникам, пришлось занять позиции связистов. Воевали до утра. Без потерь. На этой войне молодыми, необученными мальчишками правили ужас и страх.

Этой ночью шел штурм Ханкалы. Он был успешным. Ханкалу брали навалом, массой. Поэтому потеряли немало людей. Стали проводить зачистки. Опыта в таких мероприятиях оказалось мало. Оставляли в тылу мирных, невинных жителей с лопатами, узлами в руках, которые ночью превращались в автоматы, гранатометы.

Штурм закончился днем. 30 декабря наше подразделение обошло взятую часть Ханкалы, аэродром и уже в составе группировки остановилось перед военным городком, который вплотную примыкал к мосту, соединяющему с окраиной Грозного.

Переночевали. Ночью с 30 на 31 декабря ставилась задача на штурм Грозного. Нашему подразделению было приказано: выдвигаться в составе колонны, прикрывая ее командование двумя бэтээрами – спереди и сзади. Что конкретно: как будем штурмовать, с каких рубежей, кто нам противостоит в Грозном – мы не знали. Когда я подошел к одному из старших офицеров группировки и спросил: «Какая у нас задача?» – то он, полковник в летах, отвел глаза и сказал: «Умереть». – «А можете разъяснить, в чем суть этой проблемы – умереть?» – «Пони-маешь, старлей, я тебе действительно говорю, что у нас задача – умереть. Потому что мы изображаем основной удар всей группировки российских войск. Мы должны показать противнику, что именно с востока федеральные войска будут брать Грозный».

Я знал: есть еще два направления для ударов – с севера, северо-запада. Восточная колонна, по замыслу командования, должна была войти в Грозный, изобразить удар, охватить максимум территории имеющимися силами и средствами, продвигаться внутри Грозного, а потом выйти из города.

...Прошли мы военный городок, и начались потери. Потому что колонна представляла собой длинную змею. Никакого боевого прикрытия – обеспечения справа и слева. Изредка над нами проходили вертолеты. Колонна представляла собой: впереди около пяти-шести танков, бронетранспортеры, командно-штабные машины, остальная техника. Колонна состояла только из подразделений Министерства обороны – ни внутренних войск, ни МВД. В основном пехота, артиллеристы, танкисты. Мы, десантники-разведчики, в середине колонны. Замыкая ее, шла рота десантников на БМД-2.

При подходе к мосту нас начали расстреливать из крупнокалиберных пулеметов, четко работали боевики-снайперы. Нашему взору предстало: первый танк идет по мосту, а его обстреливают где-то с семи, восьми направлений. Вперекрест. Повезло первому танку. Прошел. Так через мост проходила каждая единица: будь то танк или боевая машина пехоты. Живая сила всегда на броне, никто внутри не сидел. Колонна шла через мост, неся потери. Ведь десять – двенадцать человек на каждой броне, не обойтись без потерь. Колонна потеряла два бэтээра, были взорваны танк и кошеэмка. Мы, разведчики, прошли более-менее успешно: только двоих ранило. Не прошла мост отдельная рота десантников, что мы узнали потом. Связь практически не работала. У меня слышимость была только между моими двумя бэтээрами и «Уралом», да слабый, постоянно прерывающийся контакт с колонной. В связи был сплошной бардак. Никто большей частью не представлял: кто с кем говорит. Одни позывные в эфире, доклады лишь о «двухсотых» и «трехсотых» – сколько убитых и раненых.

Десантная рота, замыкающая колонну, не прошла. Ее отсеки и расстреляли – всех. Как потом рассказывали, чеченцы и наемники добивали раненых десантников выстрелами в голову, а наша колонна об этом даже не знала. Выжили прапорщик и солдат, которые с невероятным трудом, с перебитыми ногами выползли за военный городок, откуда колонна начинала движение. Ползли, тяжело раненные. Доползли. Один потом вроде умер.

Зашли мы в Грозный и сразу попали под сильный огонь – практически со всех мест, со всех высотных зданий, со всех укреплений. Только зашли в город, колонна затормозилась. Где-то мы стояли, спешившись, не продвигались. За этот час у нас подбили пять танков, шесть бэтээров. У чеченцев был закопанный – видна одна башня – танк Т-72, который уничтожил весь авангард колонны. Пошли дальше. Колонна, постоянно обстреливаемая, оцетинившаяся, как еж, тоже отстреливалась. Солдаты спешивались, бежали – занимали позиции. Опять сидели на броню, спешивались, снова бежали. Вести какие-то действия по занятым противником зданиям, как это положено, как мы учились в военных училищах, как это делали наши деды в 1941–1945 годах, не получалось. Колонна змеей шла по городу, оставляя в своем тылу бое-

виков, уничтожая только то, что уничтожалось. Спешиваться и вести разведывательные действия было невозможно ввиду беспредельного поведения мотострелков. Практически в каждом подразделении у них где-то отсутствовал командир, был убит или ранен. Подразделениями в основном командовали сержанты, прапорщики, кто остался жив. Солдат-пехотинец, не хочу мотострелков унижать, спрыгивал с бэтэра, нажимал на спусковой крючок и вел автомат до тех пор, пока не кончался рожок, – стреляя вокруг себя. Потом опять вставлял рожок и... Ужас перед происходящим у мотострелков был настолько силен, что, спешиваясь, наша группа десантников, вместо того чтобы вести разведку, была вынуждена залегать. Мы поднимали головы и опять опускали, потому что соседние, приданные пехотинцы снова и снова молотили по нам. В таком хаосе было просто невозможно идти. Но все же мною ставилась задача выявлять цели и уничтожать их. Конечно, все было через мат, вопли, через биение прикладами по головам некоторых пехотинцев. Для меня это были не первые боевые действия. А для основной части солдат и некоторых офицеров – первые. Мы, десантники, искали противника, уничтожали цели, но еще должны были успеть спрятаться от своих.

Мне один из наблюдателей докладывает, что в доме напротив две огневые точки. Ставлю задачу на выдвижение. Спешиваемся, выдвигаемся к этому дому грамотно, как учили. Не хочу хвалиться – подготовка у моих людей была очень сильной. Зримо было видно, что мои десантники действительно на голову выше всех остальных. Они перебежками подошли к стене дома. Метров десять оставалось, как послышалось урчание... Я обернулся. Сзади подошел наш танк, направил ствол прямо на стену, вблизи которой мы находились, и выстрелил. Стена стала падать на нас. Дом был пятиэтажный. Максимально, сколько смогли, мы ушли, но получили ушибы, переломы. У одного из солдат каска расплющилась, как у Волка из мультфильма «Ну, погоди!». Еще двое получили сотрясения, контузии. Мы отошли. Танк повернул и поехал дальше. Согласованности никакой. Опять все сели на броню, продолжили движение. Выявили еще огневые точки чеченцев, остановились, стали вести огонь. Я был на втором бэтэре с группой солдат. В глубь города мы вошли на три километра.

Мы знали, что наступает новый 1995 год. В сознании это фиксировалось как дата, и только. Есть такой праздник – Новый год, и все...

II

Офицер-десантник разведподразделений, состоящих только из офицеров и прапорщиков, офицер-спецназовец отряда «Витязь» внутренних войск МВД РФ, спецназовец офицерской группы «грушной» бригады – это офицеры-бойцы. Это люди, которым поставлена задача, и они ее в составе групп выполняют. У них одна философия...

У меня, командира группы солдат, была другая философия. Мне думать о Новом годе, о чем-то постороннем – нет никакой возможности. В боевой обстановке думаешь только о подчиненных тебе солдатах. Вспоминаешь, как полгода назад ты стоял на их присяге. Перед тобой ряд родителей. Тебе дарят цветы, шепчут на ухо: «Берегите сына». Сохранить солдат – вот моя философия. Нет такого, что ты как командир находишься в эпицентре действия и сам ведешь огонь, ни о чем больше не думая. Стреляешь, когда надо помогать, давать целеуказания тем, кто не может попасть. Ну, руки у солдат трясутся. Кто должен постоянно находиться в поле твоего зрения? Все двенадцать человек группы. Если кто-то пропал, нужно все прекращать и искать его. А взять пехотное подразделение – там был хаос.

...У меня уже было трое раненых. Убитых нет. Вышли на какую-то площадь. Кинотеатр. Открытое поле между домами. И на этом пространстве стоят врытые в землю бетонные плиты. Именно сюда, начав нести существенные потери, под плотным огнем боевиков устремилась Восточная группировка. В нашем эфире звучало только одно: «Двухсотый, двухсотый, двухсотый»... Проезжаешь возле бэтэров мотострелков, а на них и внутри одни трупы. Все убиты.

Мы стали заходить в пространство между врытыми в землю плитами. При отсутствии общего руководства все это напоминало игру ребенка с машинками, когда у несмышленища все в хаосе... Танк мог врезаться в наш бэтээр, повести стволом и придавить моего связиста. Припечатать солдата, вдавить в броню. У бойца брызнула кровь из ушей. Он весь побелел. Мне пришлось прыгать на танк. Под огнем противника стучать в люк, который не открывался, а когда приподнялся, я сунул в люк автомат. Было желание выстрелить. Определенный барьер уже был перейден. Из танка вылез измученный боем солдат. Развел руками, дрожащими губами сказал: «Что я сделал... Я все сжег. Связи нет!» В колонне шли напичканные электроникой танки Т-80. И эта электроника была пожжена неумелыми действиями экипажей. Ни связи, ничего. Работать можно было только на поворот башни и на стрельбу. Танкист убрал башню. Мой солдат еще дышал. Сняли его с брони бэтэера.

Кое-как все распахались. Заняли круговую оборону. Моя группа перекрыла одну треть квадрата, который опоясывался бетонными плитами. Мы использовали ложбины. Заняв оборону, снова стали выявлять цели, уничтожать их. Собирали своих раненых, убитых. Занимались обустройством. И все под огнем чеченцев. Желание было не просто выжить, как скоту, забившись куда-то. Главным было выполнить задачу и выжить. Личный состав был рассредоточен, всем поставлена задача. Связист, придавленный стволом танка, был положен на доски. Он не мог двигаться. Еле дышал. Кроме уколов промедола, мы больше ничем не могли облегчить его страдания. Наши санитарные машины с экипажами были уничтожены боевиками еще при входе в Грозный. Медицинской помощи никакой. Только в боковом кармане камуфлированной куртки был пакет с промедолом, бинт в прикладе автомата, перемотанный кровоостанавливающим жгутом, – стандартный набор. И кроме как всадить промедол раненому человеку в ляжку или в руку, мы ничего не могли. Мой связист выжил. Всю ночь от него, утянутого бронезиловым, не отходил кто-то из солдат. Дежурили, ни на секунду не бросая, чтобы он не то что не умер, а чтобы не упустить этот момент. В любую минуту хоть чем-то помочь. Чем? Совершенно не понимали. Но десантник-разведчик четко выполнял задачу. Меняясь, лежали рядом с ним и «держали» его, слушая пульс на шее и на руке.

Вдруг перед нами вышло чье-то подразделение мотострелков на восьми бэтэерах и БМП-2. Остановились по фронту метрах в ста пятидесяти от нас. Под плотным огнем чеченских боевиков из техники выскочили солдаты, побежали в нашу сторону. Весь личный состав. И, как горох, посыпались к нам в окопы. Это был молчаливый навал деморализованных людей... Подбегает солдат, бросает автомат и ныряет к тебе в окоп, как в воду. Разобрать, кто у этих ошалелых от страха мотострелков командир, было практически невозможно. Поймав первого попавшегося бойца, я с трудом добился, кто старший. Он указал на человека, который, упав к бетонной плите, бросил автомат, закрыл голову в каске руками и сидел, не шелохнувшись. Я подполз, спросил его звание. Он оказался майором. Он повернулся ко мне. Я весь камуфлированный, уже с бородой. Похож на духа. И он не понял, кто перед ним. Но моя тельняшка, хоть и грязная, вернула его в сознание. На вопрос: «Какого х... вы бросили технику и прибежали сюда?» – он сказал: «Мы ехали. Мы потерялись. Издалека видим, десантники... Мы бросили технику, побежали к вам, потому что ни к кому, кроме десантников, бежать нельзя. Все другие перестреляют!» Я кричу: «А техника? Техника! Пожгут ее! Прямо сейчас». Человек был совершенно неадекватный. Не мог командовать. Просто забился в угол и трясся. Уговорить его подчиненных вернуться к технике было немисливо. Я дал команду своим – выбрасывать мотострелков из окопов! Может, это было неправильно. Может, этих людей надо было спасать. Но техника закрыла мне весь обзор. Уже в следующую минуту она могла быть сожжена противником. И тогда под прикрытием горящих БМП и бэтэеров духи пошли бы со мной на сближение – атаковали бы. Пока передо мной было чистое поле, чеченцы не могли подойти. А теперь такая возможность у них появлялась. Насколько хватало сил, мы выбрасывали мотострелков из окопов. Можно сказать, отбивались от них прикладами, кулаками, перебрасывали

их через себя. Они цеплялись в нас мертвой хваткой. Хватались за оружие. Могло начаться противостояние... Так мотострелки остались лежать в наших окопах. Заняли некие позиции. Я собрал их всех на левом фланге. В течение получаса все восемь единиц бронетехники мотострелков были сожжены чеченцами. Естественно, они подошли из соседних домов, укрепились за этой подбитой техникой. Практически передо мной.

По фронту, правее сто метров, был чеченский дот – что-то типа кирпичного домика, откуда велся непрерывный огонь из крупнокалиберного пулемета. Невозможно было поднять голову. Колонна наша входила хаотично. Поэтому даже у себя в хозяйстве сразу найти неиспользованный гранатомет или огнемет было крайне трудно. Такую задачу я поставил. Нашли. И периодически вели огонь из гранатометов по этому чеченскому доту. Встать на колено либо прицелиться лежа было очень опасно. Ведь огонь по нам велся не только из дота, но и из-за тех сгоревших бэтэров и БМП. Мы же были лишены возможности вести прицельный огонь. Пришлось вылезти из укрытий, подползти к маленьким холмикам, чтобы, спасаясь за ними, хоть как-то, лежа или сбоку, выстрелив, уничтожить чеченского пулеметчика, засевшего в доте, а точнее, в блиндаже – очень, очень маленьком, попасть в который было сверхзатруднительно. Справа от меня лежал мой заместитель, как и я, старший лейтенант. Помню... Послышался голос сзади: «Командир, я приполз!» Оборачиваюсь. Лежит боец-пехотинец из тех, которые к нам в окопы, как лягушки, попрыгали. Кричит: «Я готов уничтожить его!» – «Чем?» – говорю. У него был огнемет «Шмель». Лежит и трясущимися губами сообщает: «Только целиться я не могу». Кричу: «Как не можешь?!» В ответ: «Сорвано все. Есть только труба». Прицельные приспособления были сбиты. По внешнему виду огнемет находился в рабочем состоянии. Я отдал команду: «Ползи к моему заместителю. – Тот был в более выгодном положении. – Стреляй лежа!» К моему удивлению, он пополз. Я находился в метрах пяти – семи. Мотострелок, несмотря на огонь противника, дополз. Я ему достаточно четко все объяснил: «...Стреляешь либо лежа, либо чуть привстав на колено». Он привстал на колено. Я лежал и видел, что он наводит на цель по трубе огнемета, как было оговорено. Но я-то смотрю сбоку и вижу, как он, прицеливаясь, вдруг опускает «Шмель» вниз, прямо перед собой. Я еще успел крикнуть своему заместителю: «Уши закрывай! Откатывайся!» Шел бой. Он не услышал. Помню, меня первый раз в жизни подняло над землей. Я полетел вправо. Врезался головой в каске в бетонную стену и упал в чье-то дерьмо. В глазах звездочки, красная пелена. Потом окружающий мир принял какие-то очертания. На том месте была воронка. Солдат лежал с окровавленной рукой – безумный, раненый. У моего заместителя из ушей текла кровь. Он был напрочь контужен. До сих пор переживает контузионные боли, воюет во сне. Этим выстрелом офицер был выведен из строя. Теперь он на штабной деятельности.

Подполз мой сержант-разведчик. Спросил у меня разрешения выстрелить из гранатомета, встал на колено, под огнем чеченцев навел гранатомет на цель и, красавчик, попал точно в амбразуру дота. Разнес его, как карточный домик. В это время с чеченских позиций, от сгоревших бэтэров и БМП, на нас шло порядка двадцати, двадцати пяти боевиков в маскировочных белых халатах. Шли, как немцы, в психическую атаку. До нас им оставалось метров пятьдесят. Шли перебежками. Когда был уничтожен дот, они оказались в чистом поле без прикрытия. Огонь мы сосредоточили только на них. Восемьдесят процентов наступающих чеченцев были уничтожены. Ушли, кто успел... Яркие, красные вспышки, разорванные маскхалаты, крики, вопли...

Опустилась темнота. На Новый год, когда о нем вспомнили, к нам приползли танкисты, принесли спирт. Разлили. Рассказывают... По связи на них вышли чеченцы. На их, танкистской, волне сказали: «Ну что, Иван, отметь Новый год десять минут. А потом по новой...» Без десяти минут двенадцать 31 декабря 1994 года до пяти минут 1 января 1995 года была передышка. Опрокинули чуть-чуть спирта. После этого начался массированный минометный

обстрел. От другого вида оружия можно укрыться. От падающих мин – нет. Оставалось уповать на судьбу.

Обстрел длился часа два. Полностью деморализованные, мы все же удержали свои позиции. Чеченцы не смогли пробиться к нам, даже осыпая минами. Мы вывели всю технику на прямую наводку. И она стреляла в направлениях, без целей. Два часа такого противостояния! Минометы прекратили огонь. Пошли перестрелки. Видимо, произошла перегруппировка чеченских сил и средств. Стали работать наши и чеченские снайперы. Так до утра.

Ш

Из Грозного мы снова уходили колонной. Шли змейкой. Я не знаю, где, какое было командование. Никто не ставил задачи. Мы просто кружили по Грозному. Наносили удары – там, там. А нас обстреливали. Колонна действовала как бы отдельными вспышками. Колонна могла стрелять по какой-то легковой машине, едущей в трехстах метрах от нас. Никто, кстати, не мог попасть в эту машину – люди были настолько переутомлены.

И вот колонна начала сворачиваться, уходить. Пехота выходила комом, хаотично. В этот день мы, десантники, не получили никакой задачи. Но я понимал, что мотострелков никто, кроме нас, не прикроет. Все остальные были просто не в состоянии. Часть моих людей грузилась, другая вела стрельбу в направлениях – прикрывали отход. Мы выходили последними.

Когда покидали город и снова прошли этот проклятый мост, колонна встала. У меня автомат от грязи, набившейся в магазины с патронами, заклинило. И тут голос: «Возьми мой». Я опустил глаза в раскрытый люк бэтэера – там лежал тяжело раненный прапорщик, мой друг. Он, насколько мог, протянул мне автомат. Я взял, а свой опустил внутрь люка. Начался очередной обстрел наших подразделений с нескольких направлений. Мы сидели, прижавшись к броне, отстреливались, как могли... Истекающий кровью прапорщик снаряжал пустые магазины патронами и подавал их мне. Я отдавал приказы, стрелял. Прапорщик оставался в строю. Он белел от большой потери крови, но все равно снаряжал магазины и все время шептал: «Мы выйдем, все равно выйдем»...

В этот момент так не хотелось умирать. Казалось, еще несколько сот метров, и мы вырвемся из этого огненного котла, но колонна стояла, как длинная, большая мишень, которую на куски кромсали пули и снаряды чеченских орудий.

Мы вышли 1 января. Был какой-то хаотический сбор отчаявшихся людей. Чтобы всем собраться на месте сбора, такого не было. Ходили, бродили. Потом все же поставили задачу. Стали собирать раненых. Быстро развернули полевой госпиталь.

На моих глазах из окружения вырвался какой-то бэтээр. Просто вырвался и мчался в сторону нашей колонны. Без опознавательных знаков. Без ничего. Он был расстрелян нашими танкистами в упор. Где-то метров со ста, ста пятидесяти. Наши наших же расстреляли. В кло-чья. Три танка разнесли бэтээр.

Трупов и раненых было столько, что у врачей развернутого полевого госпиталя на органи-носохраняющие действия не было ни сил, ни времени!

Мои солдаты-десантники, у кого осколок был в бедре, у кого в заднице, у кого в руке, не хотели в госпиталь. Приводишь их, оставляешь. Через пять минут они снова в подразделении, снова в строю. «Я, – говорит, – не пойду назад. Там режут только так! Вырывают все! Кровь, гной везде. Где без обезболивания, где как...»

Пошли подсчеты. Очень много людей осталось там, в Грозном, многих бросили на поле боя. Своих я всех вывез, еще и часть пехотинцев, которых успел. Остальные? Было брошено немало людей. Восточная колонна выстрадала и это...

Своих раненых я не отдал. Выбор был: либо ждать до вечера вертушку – должна была прийти. Либо колонна уходила с убитыми и частью раненых в грузовых машинах. Прекрасно

осознавая, что в тылах у нас остались боевики, я раненых не отдал, а стал ждать вертолет. Хотя тяжелые были...

Так и получилось. Первая колонна с ранеными под Аргуном была полностью уничтожена. Расстреляна боевиками. Под вечер прилетели вертушки, погрузили раненых, убитых, сопровождающих. И ушли... Мои легко раненные отказались от эвакуации, остались в подразделении. Наша сводная группа из офицеров и солдат была практически небоеспособна: двое убитых, трое тяжело раненных, остальные контуженные, легко раненные.

Группировка, как могла, окопалась, представляя собой небольшое соединение людей. Как потом говорили, в Грозном Восточная колонна потеряла около шестидесяти процентов личного состава только убитыми.

Обстреливали уже не сильно, но продолжительно. Мы отошли еще на несколько километров. Третьего января 1995 года по специальной связи мне был отдан приказ о возвращении группы в Толстой-Юрт на замену. Там нас ждали другие подразделения нашей части.

IV

Когда мы вышли в Моздок, нераненые офицеры были назначены сопровождающими к десяти недавно погибшим офицерам и солдатам одной из рот нашей части. Мы полетели в Ростов-на-Дону. Там, в будущем «Центре погибших», как раз первую палатку поставили.

Летим. Трупы в фольгу завернуты, на носилках лежат. Потом надо было найти своих. Оpoznать. Некоторые из убитых уже несколько дней лежали в палатках. Солдаты, назначенные на обработку тел, сидели на водке. Иначе рехнешься. Офицеры порой не выдерживали. Здоровые с виду мужики падали в обморок. Просили: «Сходи! Опознай моего».

Это была не первая моя война. Заходил в палатку, опознавал. Я сопровождал прапорщика нашей части. Достойного человека. От него остались только голова и тело. Руки, ноги были оторваны. Пришлось не отходить от него, чтобы никто ничего не перепутал... Опознал, а бойцы отказались моего прапорщика одевать. По нашему десантному обычаю погибший должен быть одет, чтобы тельняшка... Ну, все, что полагается: трусы, камуфляж... Берет должен быть сверху на гробу. Солдаты отказывались одевать разорванное тело. Пришлось взять палку и заставить людей. Одевал вместе с ними... То, что осталось... Все равно одели. Положили в гроб. Я еще долго от него не отходил, чтобы не перепутали. Ведь я же вез родным – сына, воина.

А того солдата-связиста, которого стволом танка придавило, – он был представлен к медали «За отвагу», – так и не наградили. Потому что в штабе группировки ему написали, что травма получена не в результате боевых действий. Такие бюрократические, поганые закорючки. Это оборотная сторона войны. Как и проблема списанного на войну имущества. Это и не дошедшие до Чечни миллионы денег, повернувшие или застрявшие в Москве. Обратная сторона войны на совести тех, кто сидит в пиджаках и галстуках, а не тех, кто воюет.

Обидно за то, что тебя годами учили в военном училище, потом ты с фанатизмом обучал «науке побеждать» личный состав своей роты, верил в непобедимость нашей тактики ведения боевых действий, в методы выживания, привитые нам на специальных занятиях, служил, гордился своим родом войск – и все зря. На этой войне нас попросту сделали мясом. Как в песне поется: «... Не надо мясо делать из нас, а после искать виноватых. Нам важно, чтобы четко звучал приказ, и не сомневались солдаты...»

Все мы – от рядового до генерала – выполнили отданные нам приказы. Восточная группировка решала задачу, поправ все правила (написанные кровью) ведения боя в городе. Она изобразила мощный и несурзанный удар федеральных сил, стремительно вошла в Грозный, держалась, как могла и, растерзанная, разгромленная, также стремительно вышла из города. А где-то совсем рядом в это же время погибала еще одна группировка, поменьше численностью – «Майкопская бригада», заходившая в город с другого направления.

А высший командный состав – выпускники академий? Они знали, как воевать. Знали, что город берется от дома к дому, от куска к куску. Завоеывается каждый пятак. Так брали Берлин. По Грозному, скорее всего, сверху был жесткий приказ – сосредоточенный только на временном промежутке. Дескать, это надо взять завтра, другое – послезавтра. Не отходить, держаться. Взять. Жесткая постановка задач сверху ставила командных людей в недозволённые для войны рамки. Что такое временной фактор? Данный населённый пункт должен быть взят к пяти часам! А по всей логике боевых действий этот приказ невозможен для исполнения. За назначенное время можно было только подготовиться, сосредоточить средства, провести разведку, уяснить задачу, оценить обстановку, поставить задачу, отдать боевые приказы, наладить слаженность подразделений, радиосвязь, радиообмен, уяснить динамику развития события, определить пути отхода... На это при штурме Грозного времени не давалось. Сегодня пока никто не признает это преступлением... Но человек в больших погонах шел на преступление – против своей совести, против морали, губя жизни солдат и офицеров. Безумство. Что же это за командование было? Что за руководство операцией?

А если говорить о пехоте... Еще в Моздоке ко мне подошел солдат и, видя три лейтенантских звезды на погонах, спросил, как к автомату подсоединить магазин? Из этого случая можно сделать серьезные выводы. И вообще больше ничего не говорить. Солдат подходит не к своему командиру, а видя десантника-офицера, спрашивает, как подсоединить: так или с другой стороны?

На момент начала боевых действий в Чечне армия уже деградировала. У солдат не было не только теоретических, практических навыков. Большинство не имело навыков механических действий, когда солдат собирает, разбирает автомат с закрытыми глазами, умеет выполнять элементарные упражнения. Например, изготовка для стрельбы лежа... Он даже думать не должен – как? Все должно исполняться механически. А у него... хаотичные, необдуманные действия, что я видел и пережил при новогоднем штурме Грозного. Страшные, какие-то полусумасшедшие движения мотострелков, а в руках оружие, извергающее свинец, которым убиваются свои же солдаты...

Касательно наших десантников, то сегодня мы собираемся на день ВДВ, 2 августа. Подходят солдаты, благодарят. «За что?» – спрашиваю. «Спасибо за то, что в два часа ночи мы ползали по асфальту, за то, что на учениях не шли по дорогам, как другие, а ползли через ручьи, падали в грязь, бежали по несколько десятков километров. За это спасибо. Тогда, до войны, мы вас ненавидели. Люто ненавидели. Сжимали кулаки в строю. Готовы были... Родовались бы – случись с вами что-то недоброе. А когда вышли из Грозного и практически все остались живы, сказали «спасибо».

Я помнил их окровавленные, повзрослевшие за несколько дней боев лица. Да, поседевшие, злые, контуженые, раненые, но живые тогда, в 1995-м, разведчики-десантники говорили мне: «Спасибо». А я был счастлив, что они живы.

Звонят теперь...

Тяжесть воспоминаний не опустила офицера-десантника на житейское дно. Пройдя первую чеченскую кампанию, сделав из нее личные выводы, он снова воюет с духами, уничтожает наемников в горах. Делает то, что хорошо умеет. За его голову ичкерийские боевики обещают огромные деньги, но материнские молитвы хранят этого русского воина, по-прежнему верящего в справедливость и... в боевую учебу, без которой армия – не армия, а собрание обреченных на смерть людей.

Один из многих тысяч офицеров, благодаря которым Россия не сгнула, он неприметен в толпе, в московской подземке. И в этом его преимущество. Ничего не требуя от Отечества, исповедуя мысль: «Кто на что подписался», этот офицер – за ответственность, за умение государства спросить с тех, кто уполномочен на стратегические решения. Ни у государства,

ни у друзей, ни у суженой он не попросит любви. Но – потребует ее для тех, кто погиб за Россию.

«Это звезды или волчьи глаза?..»

Еще несколько каменных, выщербленных ступенек, железная дверь – и я... на войне. А чтобы быть точным, на грозненской крыше превращенного в крепость здания, где размещается ГУОШ – Главное управление объединенного штаба МВД России. Там, на оставленных внизу этажах, кипит своя напряженная военная жизнь: в кабинетах горит яркий свет, офицеры стоят у карт, работают с документами, отчитываются о дневной работе. А мне надо на крышу, на пост № 37, чтобы побыть с бойцами Тюменского ОМОНа. Им, конечно, куда интереснее, если бы ночное дежурство с ними разделил свой, тюменский, пишуший. Я-то в их краях не бывал. Зато, историк в прошлом, я знаю, какой была казачья крепость Тюмень, когда казаки миролюбиво поладили с Маметкулом, племянником непримиримого врага Ермака – Кучумом. Да так, что в сражениях Ивана Грозного в Лифляндии Маметкул водил в бой левое крыло русской конницы. Впоследствии и Шамиль, умный вождь, оценил русскую военную дипломатию.

Шагнув на охраняемую крышу ГУОШа, я, как на машине времени, переместился далеко назад, в XVI–XIX века, когда недоброжелатели России язычески, как богу, поклонялись свободе, на самом деле оставаясь вассалами крупных, враждебных нам государств, использующих малые народы в личных стратегических целях. Разве в конце XX века такое не происходит в Чечне?

Вот такие мысли роились в голове, когда в сентябре 1995 года я с провожатым-бойцом Тюменского ОМОНа шел по крыше на пост № 37, где меня встретили с сибирским спокойствием и на таком открытом месте, словно мы были не на объекте, обстреливаемом каждую ночь. Перебрасываясь традиционными при первой встрече словами, я мысленно недоумевал по поводу малого количества людей на посту, который прозвали «глаза и уши ГУОШа». Но, когда первая чеченская осветительная ракета со змеиным шипением взмыла в небо, а мы пригнулись, в залитом светом пространстве обнаружилось, что мы далеко не одни. Меня представили старшим группы, а остальные бойцы в это время «держали» службу, контролируя сектора обстрела – наблюдением и подслушиванием. Несмотря на видимую бдительность дежурных огневых средств, старшие поста Александр и Сергей через равные промежутки времени тоже брали в руки приборы ночного видения.

Ночью в Грозном, как и по всей Чечне, все точки компактного пребывания российских военных, от блокпостов до ГУОШа, один к одному – те, знаменитые в истории, крепости сибирских землепроходцев и воинов Ермолова, князя Барятинского. Когда только солнце уходило за Иртыш, а на Северном Кавказе – за Терек, казаки, стрельцы, драгуны, егеря – крепостные ворота на засов и к бойницам – отстреливаться от мстительных всадников Кучума, Шамиля, Байсангура Беноевского.

В дудаевской Чечне пропагандистская работа среди простого народа, как и в период кавказских войн XIX века, построена на ненависти к России и русским. «Коварней и подлее нет народа», – поют чеченские барды, вспоминая походы ермоловских батальонов в горы, проецируя ту, былую, ненависть на сегодняшний день. В современной идеологической войне дудаевской пропагандой эксплуатируется только месть за людские потери Чечни от кавказских войн и сталинского выселения.

Чеченские пропагандисты, возвеличивая «месть» за былое, не жалеют свой народ. Дудаев, нуждаясь в резервах, тыкал пальцем с экрана телевизора, говоря: «Сколько ты, чеченец, будешь прятаться за бабью юбку? Бери автомат и мсти за невзгоды, которые последние столетия переживала Чечня».

У телевизора вечерами обычно вся семья. И ее глава, крестьянин, пристыженный своим президентом, бросал дом, поле и уходил умирать за финансовые интересы лидеров Ичкерии.

Для чеченца XIX век – это было вчера. Историческая память чеченца – опасная тропка к малодоступной горной вершине. И Дудаев идет по ней, как языческий вождь, принося в жертву свой народ. Правду гласит чеченская поговорка: «Ружье убило одного, а язык – тысячу».

Ладно скроенный – срочную он служил в ВДВ, – в каждом жесте обстоятельный сибирский «стрелец» Александр, наблюдая за близкими жилыми домами, сказал мне: «Какие мы оккупанты? Разве оккупанты позволяют себя безнаказанно убивать? Нам позволено открывать огонь только по видимым целям».

Да, ни одна армия мира не разместит свой воюющий штаб на территории, вплотную окруженной жилыми домами. Людей или выселят, или на время боев не разрешат вернуться в свои квартиры.

Чеченские боевики здесь, в Старопромысловском районе, ведут огонь чаще всего из заселенных пятиэтажек.

– Ну, и где они, видимые цели? – спросил я Сергея с Александром.

Словно в ответ на мой вопрос, по российскому блокпосту там, в черном мареве, за полуразрушенными домами, почти сдвоенно, невидимые, пальнули чеченские гранатометчики. Следом татакнули пулеметные очереди.

– Ответили бойцы внутренних войск, – сказал Сергей.

Над нашей головой было малозвездное небо, подсвеченное редкими зарницами осветительных ракет. Вперемешку то высились остовы разбитых домов, то лезли в глаза заселенные людьми хрущевские пятиэтажки с освещенными окнами. Мы сидели на плоской крыше, начиненной оружием. Мою спину холодил АГС, смотрящий стволом туда, где только что проявили себя дудаевцы. Наши лица были иссиня-черные, как бы закамуфлированные главной краской ночи. С четырех сторон света то, давая пламя, то, искрясь и опадая, мерцали редкие, давно не затухающие пожары.

– Мы как на гигантской сковородке, – сказал я, намекая на плоскосту крыши, на чугунную темноту вокруг, тыкая пальцем в освещенные мелким языкастым пламенем север, юг, запад, восток.

Со мной молчаливо согласились, уточнив, что огню под этой сковородой дудаевцы не дадут потухнуть ни на минуту.

Вдалеке снова автоматные очереди, и пули на излете с каким-то даже вежливым свистом чиркают левее от нас.

«Успех ночного боя, – помнил я, – зависит от того, насколько тщательно он подготовлен в период организации обороны в светлое время». Я знал, что ГУОШ тщательно подготовлен к круговой обороне, что все подступы к зданию простреливаются фланговым и перекрестным огнем. И что даже если противник чудом прорвется к стенам здания, он для начала нарвется на минные поля, на другие сюрпризы, а потом его все равно добьют оружием огнем. Именно знанием, что так будет, я объяснял себе абсолютное спокойствие тюменцев Александра и Сергея, с которыми подходило время прощаться...

Сменяясь, ребята уходили со словами, что сегодня на удивление тихо. Шутили: «Может, вас, журналиста, испугались. Не захотели попасть в газеты».

Пришли Олег, Наиль, Гена, Андрей – такие же уравновешенные, в каждом жесте опытные, обстрелянные, потомственные «стрельцы».

– Спар-так-чем-пи-он! – в той стороне, куда смотрит ствол агэеса, кто-то отбивает из пулемета Калашникова.

– Это Клепа! Чеченец! – восхищенно смеются такому умению ребята. – Этого поклонника «Спартака» мы давно знаем.

Автоматные, пулеметные, гранатометные дуэли идут в стороне от ГУОШа. Почему? Может, собровцы почистили округу, и те, кто с большой интенсивностью обстреливали ГУОШ, убиты? Тайная и явная война вокруг Главного управления объединенного штаба МВД России

не стихает ни на день. Выбьют, захватят одних – другие боевики не оставляют без внимания это здание на Ладожской, 14.

– Свою пулю никогда не услышишь, – говорит мне Геннадий.

Срочную службу он прошел в 405-м горно-альпийском батальоне. Я смотрю на него с нескрываемым уважением. Отец Гены – военный, жена и теща – милиционеры. Парень вспоминает о них с любовью.

– Сегодня у Гены день рождения, – неожиданно произносит Андрей. – Ему пошел двадцать пятый год.

Поздравляя Геннадия, я мучительно вспоминаю, где же я встречал свое двадцатичетырехлетие. И не могу вспомнить. Чеченцы тем временем отсалютовали в нашу сторону тремя – одна за другой – осветительными ракетами. Мы ложимся ниц на брезент.

В прибор ночного видения «Ворон» обнаруживаются мириады звезд. Их далекая красота оставляет равнодушными. Здесь, на крыше ГУОШа, от их холодного, зеркального света нам никакого толка. «Это звезды или волчьи глаза?» – вспоминается стихотворная строчка. «Почему, – думаю я, – сидящие рядом и напротив бойцы Тюменского ОМОНа не говорят об опасностях своего боевого дежурства, о дудаевских снайперах? Почему ребята передвигаются по крыше, не особенно пригибаясь? А через опасные участки иногда проходят демонстративно в полный рост? Подчеркивают, кто в доме хозяин? Но война, я знаю, это балет случайностей. Нет гарантии, что именно сейчас тебя не выцеливают в ночной прицел». «Что же это такое?» – спрашиваю. И в ответ: «Будешь тут трусливой мышкой бегать, своя “крыша” быстро поедет».

– В Чечне мы не первый раз. Здесь, на крыше ГУОШа, мы вроде на отдыхе, – говорят ребята, бывшие десантники, пограничники.

«Ничего себе отдых, – думаю. – Под навесным огнем из подствольных гранатометов». Неразорвавшиеся гранаты из чеченских подствольников я не раз видел во дворе ГУОШа. Через ночь, а то и каждую ночь идут возле ГУОШа снайперские дуэли, в которых омовцы иногда вроде живцов – это когда по снайперам работают собровцы.

– В январе под Хасавюртом мы с боем брали не одну высоту. В августе помогали выбивать духов из Аргуна.

– На одной из зачисток нашли раненую в живот молодую чеченку. По причине бедности ее не взяли в чеченскую больницу. Первую помощь ей оказал наш отрядный доктор.

– А еще был случай. Пошли мы на пасеку. Осмотрелись. Из всех ульев вылетают пчелы, а из одного нет. Вскрыли. Там два автомата, две гранаты Ф-1 и заряд к РПГ. Хозяин пасеки упал на колени: «Не забирайте оружие. Оно чужое. Придут боевики, зарежут за то, что не сумел сохранить!»

– Таких случаев много, боевики прячут стволы у безобидных людей.

– Уже глубокая ночь, а окна многих домов горят. Почему? – спрашиваю.

– То мера предосторожности и миролюбия.

– Сегодня хорошая, спокойная ночь, – говорит мне Геннадий.

– Просто духи решили не отравлять тебе день рождения, – я пытаюсь шутить в ответ. Мне неожиданно кажется, что тюменские омовцы вроде как-то неловко себя чувствуют. На опасный объект пришел журналист, а в их сторону ни разу не выстрелили. И я говорю, что несказанно рад, что по нам не ведут огонь.

Прохлада и сырость чеченскими змейками давно неприятно холодят тело. Город спит или не спит? Непонятно. Кругом вязкая, промозглая темнота. Местные жители на ближайшем базарчике говорили, как они боятся наступления ночи. Потому, что за дверями их квартир кто-то еле слышно начинает ходить, открываются и закрываются чердаки, скрипит под ногами битое стекло. «Кто ходит? Не знаем. Может, убиенные души, а может боевики».

Все здесь в Грозном лукаво-обманчиво. Многое нужно воспринимать с точностью до наоборот.

Домой, в «будку» пресс-центра, я, обозреватель газеты «Щит и меч» МВД РФ, уходил, когда откричали свои предутренние песни грозненские петухи-долгожители. На удивление, их, переживших бомбардировки и уличные бои, оказалась целая вокальная группа. Я уходил, отбив на крыше положенные омовцам шесть часов, с уверенностью, что и остаток ночи для них пройдет бескровно. Ведь с первым мистическим криком петуха нечистая сила исчезает с городских улиц.

Перед тем, как железная дверь, пропуская в тепло, закрылась за мной, Геннадий, встретивший свое 24-летие на крыше ГУОШа, с легкой грустью сказал:

– А наши тюменские петухи кричат куда веселее...

...Жизнь начинается ночью

Пока на Грозный убийцей-маньяком не обрушилась тьма, минно-разыскная овчарка Блэк отдыхает там, где защищена от всех неприятностей. Хотя Блэк – заслуженный пес, на блокпосту № 15 он постоянный предмет для шуток. Самая распространенная, что после контузии Блэк позволяет себе похитрить, будто не слышит команды.

Этот любимец челябинских омовцев попал под разрыв гранаты из чеченского подствольника. Он сутки не узнавал хозяина, медленно, бестолково передвигался. Риф, проводник хорошо обученной в питомнике «Красная звезда» милицейской собаки, выходил друга. За Блэка переживали все. Когда по блокпосту № 15 бьют из подствольника, сначала раздается резкий, сухой щелчок. А Блэк, как флюгер, точно указывающий направление ветра, всегда смотрит в сторону, где чеченец спустил курок. И омовцы знают, куда отвечать.

Днем издали блокпост № 15 – закрытое маскировочной сетью, внушающее уважение монументальное здание. При близком рассмотрении – домик, закрытый бетонными блоками, грамотно защищенный в военном смысле.

«Наша “Брестская крепость”», – говорят о своем стратегическом объекте челябинские омовцы. Они прикрывают дорогу Грозный – Аргун. И все, что их окружает: «зеленка», старый арык, заброшенный дачный городок – с наступлением темноты представляет опасность.

Днем на блокпосту № 15 в разгаре психологическая война. Проверить сотни, если не тысячи машин – испытание для омовских нервов. Выходя из автомобилей, водители-чеченцы обычно, в знак презрения, плюют на землю и только потом разговаривают.

На все крики, истерики омовцам рекомендована вежливость. Особенно когда недовольны женщины. Тогда обращаются к их мужьям: «Есть среди вас мужчины, которые не прячутся за спины женщин? Только с вами будем решать». Но это когда возле блокпоста соберется толпа. Челябинские омовцы на Кавказе не первый раз. Чеченскую психологию знают. Здесь в делах женщине последнее слово.

В тот вечер, когда журналистская дорога привела под Ханкалу, последними машинами, уходящими в сторону Аргуна перед наступающей на блокпост темнотой, были автобусы с женщинами в зеленых платьях и белых платках. Тесно рассаженные чеченские женщины, мерно постукивая в ладони, пели завораживающую по красоте боевую песню.

Здесь, в Чечне, развеян воспеваемый поэтами образ горянки-миротворицы, бросающей между сражающимися насмерть свой снятый с головы платок.

– Сегодня они почему-то не кричат в нашу сторону Аллах Акбар, – говорит про женщин в зеленом старший прапорщик Челябинского ОМОНа Эдуард Н. – Они едут с какого-то митинга или от военкомата, где проходят переговоры.

Мелодия, которую пели чеченки, может была молитвой? Но вот автобусы трогаются, лавируя между лежащими на шоссе бетонными глыбами, увозя к родным очагам в Гудермес, Аргун и аулы отработавших на фронте идеологической войны активисток-дудаевок, которых так любит показывать Центральное московское телевидение, а блокпост № 15, как и все другие российские блокпосты в Чечне, начинает готовиться к смертельным боям и обстрелам.

– Здесь военная жизнь начинается ночью, – говорит старший прапорщик. – Когда политики отходят ко сну.

Метрах в тридцати от блокпоста, прикрывая его, врыта в землю БМП-2 внутренних войск. Иду знакомиться. Стоя возле БМП, говорим, как живется. Тихонько по левому борту машины проходит солдат, садится на корточки, вглядывается в меня. Смотрю в ответ. А это Сережа Пиголин. Механик-водитель, который в апреле за Тереком возил на своей броне челябинских собровцев, а здесь, под Ханкалой, прикрывает Челябинский ОМОН.

– А я вас сразу узнал, – сказал он. Мы обнялись, как братья. Теперь было время поговорить. Оказалось, Сергей потомственный тракторист. С шестого класса за рычагами. Была мечта, как отец, пахать землю. Какой он умелый механик-водитель, я знаю еще по апрельской встрече.

Наш разговор шел в быстро наступающей тьме. И тут по нашему блокпосту ударил чеченский автомат «Борз».

Сразу команда старшего прапорщика:

– Взять автоматы! Снять с трассы людей!

Смотрю на время – девятый час вечера.

– Били с дачного домика, с башенки, – говорит наблюдатель.

Сергей Пиголин уходит на свое боевое место, в машину. Мы прощаемся уже в темноте. Возле овчарки, которую давно привели из укрытия, чтобы она сторожила главный вход на блокпост, механик-водитель Пиголин проходит свободно. Для Блэка он свой человек.

Хотя БМП прикрыта секретами из снайперов, пулеметчика, мне тревожно за ее экипаж. Я видел, как кромсают технику из «Мух» и «Шмелей».

Старший прапорщик, проверив месторасположение своих людей, рассказывает, что здесь каждая ночь на нервах.

– Прямо перед нами вырубленный виноградник, – говорит он. – Раньше виноградник был заминирован. Потом днем подорвался мирный чеченец. И виноградник разминировали. Теперь пространство перед нами открыто для вражеских снайперов. Тактика заурядная: изматывать нас ночными обстрелами, вызывая на ответный огонь, чтобы чеченский снайпер, работая по вспышкам, поражал нас. Еще они любят пострелять в сторону одного блокпоста, другого, рассчитывая, что «блоки» втянутся во взаимную перестрелку. Но здесь дураков нет! – улыбается старший прапорщик. – Мы контролируем обстановку с помощью портативной радиостанции «Джонсон».

В руках у командира взвода Челябинского ОМОНа Эдуарда Н. постоянно включенная рация – это как бы открытое окно в огромный, все более вулканизирующийся ночной Грозный.

– Как обстановка? – слышен по рации жесткий, властный, командный голос.

– Это в эфире «Радиус», – с уважением говорит Эдуард. – Самый уважаемый командир. Неизвестно, когда он спит. Он обеспечивает безопасность Грозного. Афганец. Его решения всегда разумны. Приказы точны.

Где-то рядом с неприятным писком и хлопаньем носятся летучие мыши.

– Контроль-16, – запрашивает соседей старший прапорщик Эдуард Н. – Я Контроль-15. Как обстановка? Прием.

– Все в норме, – звучит ответ.

Еще только начало ночи, а этот блокпост № 16, где тоже челябинские омовцы, уже два раза обстреляли из «Мухи» и автоматов АК и «Борз».

Из-за туч вываливается луна. Серебряная, для блокпоста № 15 она – золотая. Потому что в яркие ночи чеченские боевики умеряют наглость, опасаясь ответного прицельного огня. И тут я отчетливо слышу резкий сухой щелчок. По нам сработал подствольный гранатомет?

– Крыша?! – кричит старший прапорщик, обращаясь к тем, кто контролирует обстановку сверху. Ему докладывают, что разрыв гранаты произошел в двухстах метрах от здания, где в этот момент со своей переговорной группой ночует Аслан Масхадов. Этот дом недалеко от нас. Ясно, что сработали провокаторы, чтобы поспорить с Масхадовым, чтобы пошли разговоры, что с российского блокпоста обстреляли резиденцию Масхадова, сопредседателя СНГ.

Снова сухой щелчок. На этот раз стреляют по нам, получая в ответ две гранаты.

Здание блокпоста № 15 окружено дополнительной «крепостной» стеной из бетонных блоков с бойницами, возле которых, как маятники, контролируя ситуацию, ходят прапорщик и его подчиненные. На главном входе еще люди и Блэк. На втором этаже, где круговой обзор,

шесть человек: снайперы, пулеметчик, «Рембо» со своим агээсом. На первом этаже пулеметчики, автоматчик с ночным прицелом. В траншеях еще бойцы.

– В Чечне герои те, кто на земельке лежит, – говорит старший прапорщик. Нет на него писателя Александра Ивановича Куприна. Вот рассудительный, умный, только с другой судьбой герой нового российского «Поединка».

– Как там в БМП ребята? – спрашиваю я его.

– О них не беспокойтесь. Днем они дети, а на службе – мужчины.

Каждую ночь, как командир взвода, Эдуард не смыкает глаз.

– Когда обстрел блокпоста интенсивный, ночь проходит быстрее, – говорит он. – Тяжелее дается психологическая война. Здесь, в Чечне, я много нового узнал о себе. Оказывается, я и пьяница, и дегенерат, и детей мы, омоновцы, якобы убиваем. Мы – Отряд милиции особого назначения. Нам по тридцать лет. Мы – надежные люди. Поэтому маховик нашей дискредитации раскручен на полную мощность. В дудаевской Чечне много фанатиков вседозволенности, которую они вкусили и не хотят расставаться. Чечня омафиозила всю Россию. Мафия свела свой народ с ума, но сама здесь не дерется. Трагедия в том, что на войну поднят народ. Простые, обычные люди, обманутые своим режимом, бродят ночью с оружием, думая, что совершают подвиги, стреляют по нам, таким же рядовым россиянам – русским, татарам, башкирам, украинцам, белорусам. Обстановка этой осенью сложнее, чем в январе. Она опасна вседозволенностью. Российские военные давно ждут введения чрезвычайного положения в Грозном, потому что укоренившийся здесь уголовный, террористический беспредел – это одно, а мирные переговоры – совсем другое. Все здесь как в басне «Рак, лебедь и щука».

Потом рация принесла известие о нападении на блокпост № 2 в Грозном. Мы слышали нервную командную переключку о затянувшемся бое, где неизвестные били из автоматов, пулеметов, гранатометов со стороны детского садика по такому же, как наш блокпост, сооружению, только менее защищенному. Когда появились раненые, «Радиус» дал команду выдвинуться трем «коробочкам», чтобы поддержать блокпост огнем, эвакуировать пострадавших.

Эта ночь была длинной-предлинной, за которую нас обстреляли пять раз. В ответ пришлось применить даже «Ходячий подствольник». Это героическая кличка челябинца старшего сержанта Андрея Х. Но на этот раз он бросил эргэдэшку не на семьдесят метров, а только на пятьдесят.

Луна всю ночь таким ярким милицейским фонарем светила с небес, что я, журналист, даже мог вести записи. Вот они, ночные милицейские скороговорки: «Если вражеская граната попадет в маскировочную сеть, под которой мы с тобой, корреспондент, сидим, нам хана. Когда ночью хочешь что-нибудь увидеть, обязательно увидишь. Сначала считаешь обстрелы, потом привыкаешь. В Чечне идет партизанская война. К нам на пост в январе и сейчас приходят избитые, ограбленные, изнасилованные чеченцами русские люди, их выживают отсюда. У меня трагическое ощущение, что я всю жизнь в Чечне. Что я никогда и не жил в России».

В шесть тридцать утра над блокпостом № 15 неожиданно рассвело. И сразу замолчала рация. Словно мы всю ночь провели в театре, и кто-то всеильный опустил занавес.

Довольно жмурился от внезапно вспыхнувшего дневного света минно-разыскной пес Блэк, честно, вместе со всеми отслуживший эту рядовую тревожную ночь. А старший прапорщик Эдуард Н. шуточно трепал его за загромок, говоря:

– Ну что, Блэк, ты опять всю ночь спал? А? Да жрал. Или ты опять все на свою контузию списываешь?

Умный пес, хотя и виновато прижимал уши, не обижался на эти слова. Он понимал, что у командира после бессонной ночи гуляют нервы.

И ему надо выговориться.

Пасха под Гудермесом

Волк – ночное животное. Он прославлен умением работать в стае и бессмысленной жестокостью. Волки режут скотины столько, сколько позволяют свободное время и отсутствие человека с ружьем. Как только за волков берутся профессионалы, вооруженные не только опытом, волчьим разбоем приходит конец.

Волк слаб против охоты облавой, охоты с гончими и охоты на падаль.

Волкам всегда несладко жилось в России, потому что этот ночной хищник любит убить больше, чем может съесть. Вот почему страшен и непредсказуем путь людей, избирающих волка символом своего народа.

В Чечне сегодня, весной 1995 года, два хозяина: днем – российские военные силы, ночью – ичкерийские боевики. В Грозном чеченскими волками обстреливаются комендантуры, штабы, блокпосты, передвигающаяся по пустынным ночным улицам техника.

Дудаевские боевики, государственный символ которых – волк, ведут огонь из домов, населенных гражданскими людьми, из тех мест, куда бойцы российского МВД не могут позволить себе нанести удар. Штаб на Ладожской, 14 регулярно обстреливается подствольными гранатами из-за работающего хлебозавода. Боевики чают надежды, что когда-нибудь у российских солдат сдадут нервы и ответным огнем они сами развалят хлебозавод и другие, жизненно важные для населения предприятия.

Что за судьба у российского воина воевать не в полную силу? В Чечне уже давно все решают политики, то есть те, кто умеет выдавать желаемое за действительность. И сегодня можно с полной уверенностью сказать, что план мероприятий Правительства Российской Федерации по урегулированию кризиса в Чеченской Республике под угрозой провала. Первый этап мероприятий, а именно: создание зон взаимного неприменения силы и начало постепенной демилитаризации территории Чеченской Республики, прекращение деятельности незаконных вооруженных формирований, изъятие оружия у населения – оказался непреодолимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.